

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОТ ТУРБУЛЕНТНОСТИ К ДИАГНОСТИКЕ КРИЗИСА: ПРЕДЕЛЫ И ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ (новая повестка дня для европейской социологии)

Д.Г. Подвойский, И.В. Троцук

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье представлен обзор ключевой проблематики и дискуссионного поля последнего 11-го форума Европейской социологической ассоциации «Кризис, критика и изменения», состоявшегося в Турине в августе 2013 г. Также авторами предпринята попытка предварительного анализа самих концептов «критики» и «кризиса» как периодически востребуемых научным сообществом на разных этапах истории социологических идей. Кризисно-критическая установка рассматривается как одна из типических форм социологического дискурса, обладающая рядом специфических особенностей и отличающаяся от «полярной» ей стабилизационно-интеграционной когнитивной перспективы.

Ключевые слова: кризис, критика, социальные трансформации, критическая социология, социология критики, кризисное и стабилизационное сознание, социальная турбулентность, европейская социология, Европейская социологическая ассоциация, социологический дискурс, профессиональное сообщество.

«...Российские социологи нечасто обсуждают проблемы своей социальной роли и ответственности на конференциях, равно как и в обычном общении. В отличие от западных коллег, постоянно рефлексирующих по поводу места социологии в обществе, ее взаимодействий с различными институтами, ее участия в осуществлении различных реформ, у нас „социология социологии“ не получила заметного развития. Думаю, что это — наша ошибка. Если мы хотим, чтобы наука была действительно полезной и нужной, то также обязаны систематически оценивать, обсуждать и, если надо, корректировать свое участие в социальной трансформации России».
(Т.И. Заславская) [2. С. 4]

Последние дни августа 2013-го. Италия. Турин. Лучшего времени и места для встречи европейские социологии придумать не могли. Встречаются они все вместе, «по-крупному», раз в два года. Инициатором этих встреч, их «институциональной базой» выступает Европейская социологическая ассоциация (ESA) — одно

из крупнейших профессиональных объединений социологов в мире (наряду с Международной и Американской социологическими ассоциациями). С 1992 г. по настоящее время под эгидой ESA было проведено одиннадцать научных конференций общеевропейского уровня.

География форумов широка: Вена, Будапешт, Эссекс, Амстердам, Хельсинки, Мурсия, Торунь, Глазго, Лиссабон, Женева и, наконец, Турин. Сегодня в состав ESA входит несколько тысяч членов — как индивидуальных, так и коллективных.

Официальным периодическим изданием ассоциации является журнал «European Societies» («Европейские общества»), специализирующийся, в частности, на публикации материалов сравнительных кросскультурных исследований, анализирующих процессы трансформации социальных систем различных типов, уровня экономического развития, с различными историческими традициями и т.д.

Социологи как эксперты по общественным отношениям имеют устойчивую и вполне объяснимую потребность чувствовать «нерв времени», «пульс эпохи». Для них это своего рода «дело профессиональной чести». Данное стремление всегда находит то или иное отражение в тематике конгрессов ESA.

Так, например, смысловую рамку дискуссии на предпоследней конференции ESA, проходившей в Женеве в 2011 г., определяла интригующая отнюдь не только научную общественность тема «*Социальные отношения в эпоху турбулентности*».

Общество риска, текучая современность, постмодерн, глобализация — лишь некоторые из номинаций, используемых социологами для диагностирования состояния общественных систем начала третьего тысячелетия. Метафора, отсылающая к «аэродинамике» и опыту пассажира воздушного судна, кажется удачной: непредсказуемость и неопределенность событий на макро- и микроуровне, неожиданные повороты новейшей истории отдельных стран и целых регионов, преломляющиеся причудливым образом в миллионах индивидуальных биографий, — все это поражает, иногда сбивая с толку, не только «обычных» людей, живущих каждый в своем настоящем, но и политиков, журналистов и даже социологов, изучающих реалии общества на профессиональном уровне.

Для большей наглядности данного лейтмотива на обложке официального программного сборника женевской конференции было помещено изображение самолета, пробивающегося по небесным просторам сквозь грозные облака.

При всей кажущейся квазиестественнонаучной нейтральности понятие социальной турбулентности имеет фоновые коннотации в семантической зоне таких слов, как «беспорядок», «болезнь», «опасность», «опасение», «беспокойство», «боязнь», «сомнение», «дискомфорт», «дезориентация», «дезорганизация», «конфликт», «кризис» и т.п. А кризис как особое состояние (общества или чего-либо другого) едва ли может быть определен сам по себе и через себя, но предполагает оценку кризиса, т.е. оценку какого-то положения как «кризисного». Это, в свою очередь, значит, что *кризис* в большинстве случаев *рождает критику* или критический дискурс как ожидаемую реакцию на ощущение или переживание кризиса, испытываемое его рефлексирующим наблюдателем. Поэтому смещение общего

когнитивного интереса европейских социологов, произошедшее за два последних года, запечатленное в понятийной триаде «кризис—критика—изменения», задававшей ключевую тематику нынешней конференции ESA в Турине, выглядело вполне закономерным и предсказуемым.

Тема «кризиса и критики» для социологии — очень старая и «больная». Социология всегда стояла перед мучительной дилеммой — «критиковать» или «не критиковать» общества, которые она изучает. И если выбор делается в пользу первого, не будет ли это означать выход за пределы «объективно-научной» установки на исследование фактов, которой социология как дисциплина всегда так гордилась?

С другой стороны, если ученый предпочитает вторую альтернативу, не оказывается ли он вольно или невольно апологетом статус-кво — той несовершенной реальности, в которой без труда могут быть обнаружены зерна «порока», «несправедливости», «вражды», «дискриминации» и т.п., того мира, где много униженных и оскорбленных, незаслуженно обделенных, страдающих и несчастных?

Удовлетворительное, т.е. удовлетворяющее всех, решение или преодоление обозначенной дилеммы до сих пор не найдено. Социология лишь аналитически могла отделить себя от задач социальной критики. Вопрос об уместности критики общества, его культуры и институтов является фундаментальным для социологии, как, впрочем, и для других социальных наук, значимым в мировоззренческом, эпистемологическом и методологическом аспектах. Скажем, экономистов — очевидно, самую высокоресурсную группу обществоведов — на Западе то и дело упрекали в неявном «правом уклоне». В сознании критических интеллектуалов они представляли защитниками капитализма (эдакого «царства чистогана»), которым неведомы людские проблемы, поскольку их интересует только функционирование абстрактно понимаемых механизмов системы товарно-денежных отношений. Крайней формой такого профессионально искаженного видения социального мира объявлялся, и не без оснований, т.н. «рыночный фундаментализм».

Социология всегда характеризовалась более сложной палитрой мировоззренчески фундированных вкусов и предпочтений. Потенциал «критицизма» содержался в проекте социологической науки с самого начала — он присутствует в большей или меньшей степени почти во всех европейских социальных доктринах Нового времени вплоть до идейного апофеоза индустриализма в облике сциентократической концепции Сен-Симона—Конта.

Небезосновательны квалификации социологии как культурного детища Великой французской революции, как науки, «рожденной из духа утопии». В XIX столетии к критике «старого порядка» прибавляется столь же актуальная критика порядка нового, а именно бурно развивавшегося в ту пору индустриального общества, поэтому не так уж удивительно, что сто и более лет назад многие путали слова «социология» и «социализм», причем не только по причине их внешнего терминологического сходства.

Социология, разумеется, не принимала открытого участия в «классовых боях», но, тем не менее, сохраняла принципиальное неравнодушие, правда, прежде

всего познавательного свойства, к текущим «делам улицы», т.е. ко всему тому, что может быть названо в совокупности практическими социальными вопросами.

Схематично и с большими оговорками отношение социологической традиции последних двух веков к проблемам «кризиса» и «критики» можно обрисовать при помощи антиномии «стабилизационного» и «кризисного» сознания. Эта понятийная пара выступает одной из несущих конструкций в концепции мирового историко-социологического процесса, разработанной Ю.Н. Давыдовым и легшей в основание монументальной коллективной монографии «История теоретической социологии» [3].

Ее основная идея, которая нас интересует, выраженная предельно просто или даже упрощенно, заключается в следующем: тематический репертуар социологической теории укладывается в континуальное пространство меж двух полюсов — стабилизационного и кризисного типов дискурса. При этом в истории социологических идей наблюдается чередование или флуктуации доминирующих мыслительных интенций: стабилизационная перспектива со временем сменяется кризисной и наоборот. Первая содержательно связана с проблемами ценностного и нормативного порядка, консенсуса, солидарности, интеграции, воспроизводства социальных структур, эволюционистского оптимизма, вторая же акцентирует внимание на противоположной, изнаночной стороне социального, что проявляется среди прочего в констатации родовой уязвимости ткани общественной жизни и ее фактических разрывов, в концептуализации борьбы, противостояния, конфликта, раскола социальных сил, разочаровании в прогрессе и идее рациональности, героическом или романтическом пессимизме, смысловой амбивалентности диагноза современных обществ и т.п.

Здравый смысл и знание предмета подсказывают, что существуют многочисленные комбинации вышеобозначенных перспектив, что они отнюдь не отделены друг от друга непреодолимой пропастью, и все же для удобства наблюдения за «большими» тенденциями в истории идей указанную модель можно принять за условную систему ориентации.

Пробуждение «духа критики» в социальных и гуманитарных науках — явление того же порядка. Этот неутомимый дух возрождается то и дело в новых формах, захлестывая идейные поля, где в обычные, «спокойные» времена идет будничная, почти рутинная исследовательская работа. В такие периоды социология в полной мере ощущает себя рефлексивной дисциплиной с гордо очерченным публичным профилем, а «прозаические», инструментальные проблемы получения достоверного знания отходят на второй план.

Облик первого десятилетия XXI в. с его мировым финансовым кризисом, «спонтанными» революциями, лавинообразными миграциями, столкновением цивилизаций и «картин мира», воспринимающимся уже как норма жизни в больших и малых городах и сопровождающимся ломкой и конструированием идентичностей, ренессансом этничности и т.п., в сознании европейских социологов предстает ярким примером реальности, на которую иначе, чем с кризисно-критической точки зрения, взглянуть попросту невозможно.

Новейший критический поворот в европейской социологии соотносится с множеством сопутствующих тенденций — как внутринаучных, так и экстерналичных.

В другом контексте можно было бы рассуждать более подробно о связи между критической социологией и левым интеллектуализмом — связи, симметричной конвертируемости стабилизационных ориентаций в социальных науках, с одной стороны, и в идеологии — с другой (на манер миллсовской или гоулднеровской критики парсонсианства или же эмпиризма лазарсфельдовского толка как разновидностей «социологии истеблишмента» [4; 1]).

Критическая установка зарубежных социологов нынешнего десятилетия определенным образом сочетается и с общим вектором критицизма, заданным в последней четверти XX в. постмодернистским движением в гуманитарном знании, философии, литературе и искусстве. Модная критика и мода на критику востребована широкими и узкими слоями, общественным мнением, проявляясь в дискуссионных практиках населения разных стран, на глобальном и локальном уровнях. И этот факт нуждается в научном осмыслении, что создает запрос не только на критическую социологию, но и, если угодно, на «социологию критики», продолжающую традиции классической социологии знания и интеллектуальных групп.

В дальнейшем изложении мы попробуем коснуться тех конкретных сюжетов, которые затрагивались при обсуждении проблем современных «кризисно-турбулентных» обществ в рамках туринской конференции Европейской социологической ассоциации. В июне 2013 г. президент ESA Пекка Сулкунен написал обращение к профессиональному сообществу, опубликованное на страницах летнего информационного бюллетеня ESA «Европейский социолог» под заголовком «Совершеннолетие» и обозначившее тематические приоритеты предстоящей конференции ESA в Турине.

В своем программном обращении президент ESA, баллотировавшийся в это время на второй срок, пояснил, какие задачи стоят перед социологами и с какими вызовами столкнулась сегодня наша наука — как в сугубо предметной, так и в реальной социальной плоскости.

Во-первых, речь идет о *кризисе* общеевропейского интеграционного проекта, который еще никогда прежде, с момента своего создания, не был столь близок к краху. Политические волнения, которые начались на южных границах Средиземноморья и перекинулись на Испанию, Грецию, а затем и Турцию, переросли в серьезнейший экономический и социальный кризис: общеевропейские институты, представительная демократия, политические партии, профсоюзы и общественные движения, семьи и индивиды, женщины и мужчины, молодые и пожилые — все оказались в неустойчивом настоящем перед лицом непредсказуемого будущего.

Во-вторых, президент ESA уверенно обозначил необходимость *критического* научного взгляда на то, как современные общества функционируют, взаимодействуют и трансформируются. Социология как интеллектуальная, профессиональная, академическая и политическая сила демократического общества переживает «реф-

лексивный поворот», требующий от нее ответов на следующие вопросы: насколько она способна осознать суть и механизмы нынешних социальных трансформаций? Обладает ли нужными «инструментами» для улавливания направления ветра перемен? Способен ли ее понятийно-категориальный аппарат адекватно и корректно описывать современные социальные реалии? По утверждению президента ESA, «социология должна пересмотреть свою роль в современном обществе... мир вокруг нас изменился — и социология тоже должна измениться».

И, наконец, слово «*изменения*» в названии конференции несет двойную смысловую нагрузку: с одной стороны, подразумеваются объективные социально-экономические, политические, символические и прочие преобразования, которые переживает как Европа в целом, так и отдельные ее регионы и локальные сообщества; с другой — принципиально важные и уже частично происходящие изменения в задачах, функциях и форматах деятельности социологического сообщества, к которым, пусть и с определенной натяжкой, также применимо понятие кризиса.

ESA, по убеждению Сулкунена, переживает позитивный кризис — «кризис совершеннолетия», поскольку она достигла зрелости (в 2013 г. Ассоциации исполнилось 22 года) и из содружества нескольких энтузиастов превратилась в масштабную научную социологическую сеть, что, впрочем, породило определенный переходный кризис в ее биографии, требующий соответствующих организационных, финансовых и юридических решений для адаптации ESA к новым требованиям времени.

Начать заявленные в названии конференции изменения ESA решила с себя. Прежде всего, для демонстрации своей максимальной открытости и публичной самопрезентации перед конференцией была проведена встреча с журналистами для обсуждения ее тематического поля.

Огромное количество одобренных тезисов выступлений (более 3000) были призваны продемонстрировать не столько интеллектуальную мощь и разносторонность социологического сообщества, сколько обозначить принципиальные и требующие скорейших решений проблемные зоны современного социального «ландшафта», которые часто «замыливаются» и запутываются политической риторикой, а потому далеко не всегда мобилизуют социальных акторов для совершения социально значимых действий. Был использован новый подход к структурированию программы конференции: небольшое число тематик секций по каждому исследовательскому направлению было задано заранее, однако авторы могли присылать тезисы на конкретное исследовательское направление, указывая лишь общие предметные интересы (1). Позже доклады были распределены по уже обозначенным и вновь сформированным секциям, исходя из частотности тех или иных тематик, что, по признанию организаторов конференции, должно было гарантировать участие достаточного числа искренне заинтересованных исследователей в работе каждой секции, а также отразить многообразие социального мира и вариантов исследовательской рефлексии в дисциплинарных рамках единой социологической науки.

Одним из лозунгов конференции стала «социальная ответственность» — как экологическая (поэтому полные версии многостраничной программы распечата-

вались только по специальному запросу, предоставлялись скидки на проезд в общественном транспорте, использовались только перерабатываемые материалы и т.д.), так и перед местным сообществом (в частности, конференция способствовала интеграции людей с ограниченными возможностями и бывших заключенных в рынок труда, привлекая соответствующие компании к организации конференции, использовалась только продукция местных производителей и т.д.).

Учитывая новые социальные запросы к социологической профессии и сообществу, а также расширение ESA, был реализован ряд шагов по оптимизации ее управления, хотя в основном организация существует за счет добровольческого труда. В частности, был пересмотрен Устав ESA; принятые за последние годы Исполнительным комитетом инструкции, директивы и решения преобразованы в статьи Устава, которые были утверждены на генеральной ассамблее ESA в Турине (2); признана необходимость максимальной активизации индивидуальных членов, исследовательских направлений и национальных ассоциаций для участия в социальных дебатах, интеллектуальных дискуссиях и совместной полевой работе; основан новый журнал «European Journal of Political and Cultural Sociology» — «Европейский журнал политической социологии и социологии культур» (помимо уже давно издающегося журнала «Европейские общества»), призванный удовлетворить исследовательские и публикационные запросы членов численно разросшейся за последние годы ESA.

По сравнению с предыдущими конференциями программа туринского форума европейских социологов претерпела следующие целенаправленные изменения: заявленная в названии проблематика «Кризис, критика и изменения» четко позиционировалась как приоритетная для всех исследовательских направлений и групп; был введен новый формат профессиональной коммуникации — полуденные специальные сессии — и авторам тезисов (помимо 33 приглашенных докладчиков) была предоставлена возможность оказаться среди выступающих на пленарных заседаниях в их рамках.

Учитывая необычайно большое количество присланных на конференцию тезисов, все 36 исследовательских направлений получили право самостоятельно обозначить свои тематические приоритеты в рамках полупленарных заседаний (всего их было 12). Те же направления, которые не смогли вписаться в них в силу временных ограничений, смогли организовать специальные сессии «Автор отвечает критикам» — они были посвящены биографическому подходу к пониманию эволюции европейской идентичности, социальному взаимодействию в сфере продаж предметов искусства и антиквариата, основаниям критики универсализма и причинам его доминирования в современной социальной теории, оценке используемых сегодня «приемов» измерения глобализационных процессов и т.д.

Благодаря введению полуденных специальных сессий исследовательские направления и группы были избавлены от необходимости конкурировать с различными типами заседаний и получили возможность выразить свои приоритетные интересы в любом удобном для себя формате (посредством постерных сессий или докладов), хотя все типы рабочих встреч в рамках конференции обязательно включали время для свободной дискуссии.

В итоге европейские социологи работали в следующих форматах: пленарные заседания (открытие и закрытие конференции, где были обозначены ее ключевые вопросы); полупленарные заседания (где эти же вопросы рассматривались сквозь призму соответствующих социологических теорий, задавших деление ESA на исследовательские направления); полуденные специальные сессии (лекции и встречи, посвященные статусу социологии в современном мире, вопросам преподавания дисциплины, моделям финансирования исследований, трансформации университетов, выпуску новых книг и пр.); сессии исследовательских направлений, тематика которых формировалась исходя из присланных на них тезисов, и исследовательских групп, когда социологи из нескольких европейских стран совместно организовывали дискуссии по наиболее интересным для себя вопросам, невзирая на свою «вписанность» в те или иные исследовательские направления.

Особый интерес для понимания тематических приоритетов переживающего очевидные трансформации социологического сообщества представляет пленарное заседание «Кризис и критика», открывшее конференцию. На нем выступил президент ESA Пекка Сулкунен, кратко озвучивший основные идеи своего послания европейскому социологическому сообществу, опубликованного в начале лета 2013 г., и выразивший искреннюю благодарность организаторам конференции, особенно местному комитету, работа которого, по мнению Сулкунена, должна заставить итальянцев пересмотреть собственные автостереотипы как «детей рая», неспособных к системной, четко продуманной работе.

Затем с приветственным словом к участникам конференции обратился президент Программного подкомитета конференции Франк Вельц, еще раз подчеркнувший, что социология никогда не была, а в нынешний кризисный период и не имеет права позиционировать себя и на деле быть лишь «технической дисциплиной», поскольку ее задача — «понимание смыслов», особенно в ситуации, когда «прежний мир умирает, а новый зарождается».

От имени принимающей страны перед участниками пленарного заседания выступили председатель Местного организационного комитета Тициана Нацио и проректор Университета Турина, одного из престижнейших итальянских вузов, в котором обучается более 70 тысяч студентов и работает более 4 тысяч сотрудников.

На первом пленарном заседании конференции прозвучало два программных доклада, заложивших возможные контексты артикуляции ее основных вопросов: какова суть нынешнего кризиса, что и почему мы понимаем под критикой, о каких изменениях должно думать и говорить социологическое сообщество? Мэри Меллор (Нортумбрийский университет, Великобритания) посвятила свое выступление причинам, факторам и последствиям финансового кризиса, обосновав необходимость говорить не о нынешней социальной реальности, а о разных «реальностях», что существенно затрудняет поиск и обретение смыслов в современном мире, но заставляет социологию вновь обратиться к анализу социальной и финансовой природы денег.

Подчеркивая, что разрешение нынешнего кризиса правительства видят в возвращении банкам «безопасного мира», Меллор обращает внимание на многослой-

ность кризиса — это не только проблема долговых обязательств, но и политический и социальный кризис. Он может повысить жизнеспособность социальных акторов, если мы перестанем видеть в странах исключительно экономических акторов, обратимся к историческим корням и социальным эффектам полного «финансирования» современной экономики, которые угрожают политическому существованию Европейского Союза, вытесняют социальные вопросы из его повестки дня и влекут радикальные потрясения в социологии по всем основным направлениям ее исследований (старение, биографии, семья, религия, наука, теория, гендерные различия и пр.).

Выступление Меллор раскрыло суть первого базового термина в названии конференции — «кризис»: он обозначает системные экономические и финансовые трансформации современного мира, где государства полностью переключились с публичного сектора на частный для адаптации к рынкам капитала. По ее мнению, именно социологи, а не экономисты должны быть на «передовой» анализа истории и сути денег для раскрытия нынешних экономических мифов о происхождении и роли денег и банковского сектора, однако доминирование нелиберальной теории и практики не позволяет «увидеть» исторические условия превращения денег в значимый социальный феномен.

Второе базовое понятие в названии конференции — «критика» — было раскрыто в выступлении Штефана Лессениха (Йенский университет, Германия).

С одной стороны, все мы сегодня, независимо от своего профессионального статуса, являемся критиками — капитализма, социальной дезинтеграции, логики функционирования постдемократических государств, о чем свидетельствует разрастание протестных движений («Оккупай», «Арабская весна», беспорядки в Греции и других европейских странах). Но тут возникает вопрос — насколько критичны мы можем и должны быть и где безопасные пределы подобной критики?

С другой стороны, как представители научного сообщества мы должны осознавать роль критики в своих дисциплинарных рамках, т.е. речь идет о критической социологии критики, которая позволит понять, почему сегодня все мы в своей повседневной жизни стали столь завзято критичны.

Собственно социологическую критичность Лессених рассматривает в трех форматах: 1) аналитически — изучение социальных изменений, которые претерпевает нынешняя капиталистическая система (в частности, работа с официальной статистикой показывает критически высокий уровень безработицы в современной Европе, фактически полное отсутствие у невообразимого множества людей какой-либо собственности, неспособность системы здравоохранения даже в самых благополучных странах ЕС функционировать без добровольных пожертвований и пр.); 2) эпистемологически — корректное балансирование на грани макро- и микроподходов, необходимое для понимания смыслов, которые люди вкладывают в свои действия в рамках заданных институциональных условий глобального кризиса; 3) нормативно — понимание логики социального развития и активное участие в изменении современного мира.

Для перехода на заданный модус критики Лессених предлагает социологии попытаться ответить на следующие базовые вопросы: как идентифицировать то,

что представляет для людей предмет заботы в их повседневной жизни? Почему социология считает легитимными собственные теории, но не обыденные концептуализации «обычных» людей, хотя именно через них люди постоянно, целенаправленно и систематически соотносят себя с обществом в исторической перспективе и «здесь-и-сейчас»? Как именно социологи могут и должны «документировать» обыденную критику повседневности? И, наконец, основной вопрос: почему повседневная критика обычных людей не изменяет правил социальной жизни, почему, будучи даже предельно критичными, мы в повседневной жизни продолжаем совместно производить и воспроизводить те ее особенности и структуры, которые критикуем?

Иными словами, несмотря на то, что понятие критики в условиях продолжающегося в Европе социально-экономического кризиса вернулось в европейский социологический дискурс, нарастает разрыв между «критической социологией», считающей, что социологи обязаны оценивать социальную приемлемость общественного устройства позднего капитализма, и «социологией критики», утверждающей необходимость ограничения профессиональной деятельности социолога наблюдениями за людьми в их повседневных критических практиках.

Социология критики полагает, что люди способны критически оценивать общество, в котором живут, несмотря на то, что оно принуждает их действовать в заданных структурных условиях и участвовать в воспроизводстве этих условий.

Критическая социология, говоря ровно о том же, упрекает «обычных людей» в том, что они тормозят все те социальные изменения, которые, по мнению социологии критики, они же и порождают своей постоянной критикой. Объединение данных двух подходов, по мнению Лессениха, не сделает мир автоматически лучше, но, по крайней мере, поможет понять, почему так сложно что-либо менять в нем.

Завершающее конференцию пленарное заседание было посвящено тем же вопросам, но в ином — социокультурном (восприятие европейского секуляризма восточными странами) и акционистском — измерении (каковы возможные пути выхода из кризиса посредством изменений). По определению граждане современных европейских государств, невзирая на свои религиозные взгляды и конфессиональные предпочтения, обладают множеством политических и гражданских прав, которые были и до сих пор не доступны жителям религиозно-центрированных стран. Однако очевидны две проблемы: во-первых, миграционные потоки из бывших колоний создали в европейских обществах беспрецедентное смещение религий и верований, породив взаимное недоверие, подозрительность, враждебность и конфликты в публичной сфере; во-вторых, убеждение во всеобщей секуляризации Европы оказалось мифом, причем официально доминирующая религия (христианство с соответствующей институциональной базой) практически ничего не делает для установления диалога между различными сообществами и искоренения дискриминации по религиозному признаку в ряде европейских стран.

Иными словами, светский гуманистический этос Европы оказался не востребован ее вновь обретенными гражданами, а потому следует говорить не о кризисе (хотя, безусловно, европейские общества переживают прежде всего финансовый

кризис), а об общеевропейских кризисах (идеологии и практики государства всеобщего благосостояния, идеи общеевропейской интеграции, экологическом кризисе, кризисе равноценного сочетания локального и глобального, кризисе трудовой мотивации и традиционных форм занятости и пр.) — иначе выработать конструктивные предложения по разрешению сложившейся ситуации будет невозможно.

Отдельные компоненты и страновые вариации протекания разнообразных кризисов в Европе стали темами полупленарных заседаний и полуденных специальных сессий: активное/культурное гражданство и «социальная сопротивляемость»; критическая политическая экономия средств массовой коммуникации (возрождение интереса к моральной философии как фундаменту критической социологии, культурологический поворот в политэкономии и экономический поворот в культурологических исследованиях, отношения взаимовыгодного обмена как основа «народной» социальной экономики и т.п.); поколенческое измерение экономического кризиса (что несут просматривающиеся уже сегодня контуры экономики после преодоления ею рецессии молодым когортам, разрушение идеи «общества знаний» в условиях нынешнего острого дефицита рабочих мест, порождающего протесты, но не лишаящего надежды и веры в возможность изменений); индивидуальные и коллективные стратегии адаптации к новым кризисным реалиям (дифференцированные по критериям гендера, статуса, потребительских практик и пр.); логика трансформации коллективной памяти и «кризис легитимации»; а также будущее социально-гуманитарного знания (в ситуации, когда конститутивные элементы его предметного поля — национальное государство, социальные классы и политическая мобилизация — столь кардинально изменились); возвращение традиционных для классической социологии сюжетов в современный научный дискурс (какова суть денег и государства, каковы мотивы и оправдания потребления, порождаемые им социальные идентичности и неравенство в материальной сфере и на символическом уровне); возможности архивации качественных данных и интернационализации качественных исследований (в частности, как возможно «понимание» в веберовском смысле, если мы погрязли в проблемах перевода и адекватной передачи смыслов); последствия неолиберальной публичной политики для научного знания и развития университетов.

Следующую «большую» конференцию ESA планирует провести в Праге в августе 2015 г. На конференции в Турине Советы национальных социологических ассоциаций избрали своих представителей в Исполнительный комитет (3), который определит векторы развития ESA и модель организации следующей дискуссионной площадки европейского социологического сообщества. В этом году выборы руководящих органов ESA впервые проводились в электронном формате: с 5 июля 2013 г. каждый член ESA мог проголосовать за 1 из 4 кандидатов на пост президента Ассоциации (Сократиса Кониордоса из Университета Крита, Кармен Леккарди из Миланского университета Бикокка, Анн Райен из норвежского Университета Агдера и Пекку Сулкунена из Университета Хельсинки) и максимум за 10 из 25 кандидатов в ее Исполнительный комитет на 2013—2015 гг., или же предложить собственные кандидатуры в конце вывешенного на сайте ESA списка претендентов.

Президентом ESA была избрана Кармен Леккарди (Италия). Из 16 членов нового Исполнительного комитета 11 были переизбраны на второй срок. Среди них 4 — представители Италии, 3 — Великобритании, другие страны представлены Финляндией, Францией, Ирландией, Израилем, Польшей, Грецией, Норвегией, Португалией и Австрией.

В какой мере все сказанное о «насущенных делах» европейской социологии относится к социологии российской. По-видимому, — в малой. Многие из участников прошедшей конференции, что отчетливо просматривается в тематическом разбросе десятков сообщений и докладов, склонны проецировать идеи кризиса и критики на текущие европейские реалии — финансовый кризис, пробуксовку интеграционных процессов в рамках Европейского Союза и т.д.

Многие из беспокоящих европейских социологов вопросов хоть и имеют глобальное происхождение, но все же воспринимаются под «специфически провинциальным» (европейским) углом зрения, и это вполне естественно. Безусловно, научно-критический портрет «глобального капитализма» эпохи текучей современности может и должен быть нарисован широкими мазками, и в этом портрете каждая страна и культура, вовлеченная в мировые процессы, в состоянии узнать саму себя, хотя и узнать «по-разному».

Вместе с тем нельзя не признать, что в Европе и характер кризиса, и задачи его социологической критики во многом другие, мало сопоставимые с российскими. На Западе традиции критической рефлексии, исходящей в направлении от социальных наук к обществу, укоренены в истории интеллектуальной жизни, имея своей важнейшей предпосылкой функционирование гражданских институтов и развитых форм демократии. К тому же высоколобая критика, продуцируемая в университетских средах, обычно играет неизмеримо большую роль, оказывая существенное влияние на общественное сознание и «центры силы» в малых странах с сильной экономикой, толерантной культурой, устойчивой многопартийностью и зрелым парламентаризмом, сделавших ставку на развитие государства всеобщего благосостояния. Европейский иммунитет в отношении различных форм автократии делает востребованной конструктивную критическую риторику экспертов, обладающую де-факто легитимностью и престижем в глазах представителей общественности, бизнеса и политики. Иными словами, быть критиками социологам на Западе проще, а сама их критика имеет какой-то смысл, приводит или может приводить к каким-то осязаемым результатам.

В России объективный фон потенциальной социологической критики совершенно иной. Всевластие «слаборациональной» бюрократии, почти повсеместное распространение практик авторитарно-волонтаристического администрирования и силового управления в сочетании с гражданской апатией и установкой на патернализм, а также поставленными на поток манипулятивными технологиями СМИ делают запрос на экспертные оценки излишними (за исключением «эпизодов», выполняющих главным образом декоративные функции или укладывающихся в формат «черного пиара»).

Статус и шансы критической социологии в нашей стране крайне низки. Некоторые честные и высококвалифицированные специалисты в таких условиях пред-

почитают хорониться в дебрях «непубличной» инструментальной или теоретической исследовательской работы, вполне отдавая себе отчет, какую реальную цену и силу имел бы их «здравый глас», будучи протранслированным в аудитории, состоящей почти исключительно из людей с закупоренными ушами. И это поистине удивительная особенность, отличающая контекст бытования социальной критики на новейшем этапе от еще свежей в памяти истории тоталитарно-авторитарных режимов минувшего столетия. Критика в большинстве случаев не преследуется, на нее просто не обращают внимания, отчего весь ее пафос уходит в пустоту.

Разумеется, формы социально заостренной критики могут быть очень различными — от рафинированных, например, литературно-художественных, до обыденных, кухонно-приподъездных. И научная критика среди них — лишь частный случай, причем, очевидно, не самый распространенный.

Для России наиболее типичны как раз другие модели общественного критицизма — в основном этически окрашенного, обличительного, отчасти лицемерного, поскольку моральное осуждение «творимой несправедливости» не побуждает к действию или поведенческой перестройке самого субъекта критики. Детальные размышления о специфике российского социал-критического дискурса выходят за пределы корпуса задач настоящей статьи и могут быть развиты в другом месте, однако осмысление опыта коллег, работающих в отчасти сходных, а отчасти отличных жизненных и институциональных обстоятельствах, не может не быть поучительным и полезным для нас, российских социологов, и нашего собственного профессионального самоопределения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Работа конференции была разбита по 36 исследовательским направлениям (Старение в Европе; Социология искусства; Биографический взгляд на европейские общества; Социология детства; Социология потребления; Критическая политическая экономия; Социология культуры; Катастрофы, конфликты и социальный кризис; Экономическая социология; Социология образования; Социология эмоций; Окружающая среда и общество; Социология семьи и личной жизни; Гендерные отношения на рынке труда и в государстве всеобщего благосостояния; Глобальная, транснациональная и космополитическая социология; Социология здоровья и болезней; Работа, занятость и трудовые отношения; Социология коммуникаций и медиа-исследования; Социология профессий; Качественные методы; Количественные методы; Социология риска и неопределенности; Сексуальность; Наука и технологии; Социальные движения; Социология социальной политики; Региональная сеть южноевропейских обществ; Общество и спорт; Социальная теория; Молодежь и поколения; Этнические отношения, расизм и антисемитизм; Политическая социология; Женские и гендерные исследования; Социология религии; Социология миграции; Социология трансформаций: Восток и Запад) и 12 исследовательским группам (Кризис Еврозоны — критика и изменения; Управление в сфере искусства; Кризисы капитализма, критика развития и перспективы посткапиталистического общества; Культура, конфликты и коллективная память; Цифровое гражданство; Инвалидность и общество; Полевая теория; Гендерные разновидности капитализма и форматы гендерных режимов; Морская социология; Власть и коммуникация в кризисный период; Социология праздника; Социология города и публичных пространств).

- (2) Повестка генеральной ассамблеи ESA включала в себя: доклад президента ESA Пекки Сулкунена; отчет казначея ESA Талли Каца-Герро; доклад Эллен Кульманн о работе исследовательских направлений; отчет президента Совета национальных ассоциаций Роберто Киприани; отчет главы подкомитета по публикациям Пертти Аласуутари; процедуру принятия Устава ESA в целом и утверждения отдельных его положений; доклад Пекки Сулкунена о планах работы ESA на 2013—2015 гг.; оглашение Еленой Даниловой результатов выборов президента ESA и членов ее Исполнительного комитета; презентацию 12-й конференции ESA в Праге в 2015 г. и приветственное слово вновь избранного президента ESA.
- (3) Исполнительный комитет ESA состоит из подкомитетов, отвечающих за финансирование, программное наполнение, публикационную активность, связи с общественностью, общую политику, исследовательские направления, постдипломные проекты и национальные научные ассоциации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. — СПб.: Наука, 2003.
- [2] *Заславская Т.И.* Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. — 1996. — № 3.
- [3] История теоретической социологии. В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. — Т. 1—3. — М.: Канон, 1997. — Т. 4. — СПб.: РХГИ, 2000.
- [4] *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. — М.: Издат. дом «Стратегия», 1998.

FROM TURBULENCE TO THE CRISIS' DIAGNOSTICS: LIMITS AND POTENTIAL OF SOCIOLOGICAL CRITIQUE (new agenda for the European sociology)

D.G. Podvoyskiy, I.V. Trotsuk

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article provides an overview of key issues of the last 11th Conference of the European Sociological Association “Crisis, Critique and Change” (Turin, August, 2013). The authors conduct a preliminary analysis of the concepts ‘critique’ and ‘crisis’ that quite regularly become fundamentally important and disputable in the scientific community at different stages of the history of sociological ideas. The ‘crisis-critical’ attitude is considered as one of the typical forms of sociological discourse, which has a number of specific features and is dramatically different from its ‘antipode’ — the ‘stabilization-integration’ cognitive perspective.

Key words: crisis; critique; social transformation; critical sociology; sociology of critique; crisis and stabilization consciousness; social turbulence; European sociology; European Sociological Association; sociological discourse; the professional community.

REFERENCES

- [1] *Gouldner A.W.* Nastupajushhij krizis zapadnoj sociologii. — SPb.: Nauka, 2003.
- [2] *Zaslavskaja T.I.* Rol' sociologii v preobrazovanii Rossii // Sociologicheskie issledovanija. — 1996. — № 3.
- [3] Istorija teoreticheskoj sociologii. V 4 t. / Otv. red. i sost. Ju.N. Davydov. — T. 1—3. — M.: Kanon, 1997. — T. 4. — SPb.: RHGI, 2000.
- [4] *Mills Ch.W.* Sociologicheskoe voobrazhenie. — M.: Izdat. dom «Strategija», 1998.